

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**НЕСКОЛЬКО ЛЕТ В
ДЕРЕВНЕ**

Николай Гарин-Михайловский
Несколько лет в деревне

«Public Domain»

1908

Гарин-Михайловский Н. Г.

Несколько лет в деревне / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1908

«Задавшись благими намерениями, я отправился в деревню хозяйничать, но потерпел фиаско. Несколько лет жизни, тяжёлый труд, дело, которое я горячо полюбил, десятки тысяч рублей, – всё это погибло, прахом пошло...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

Исторический очерк	6
Цель покупки имения	12
Заботы о крестьянах	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Гарин-Михайловский

Несколько лет в деревне

Задавшись благими намерениями, я отправился в деревню хозяйничать, но потерпел фиаско. Несколько лет жизни, тяжёлый труд, дело, которое я горячо любил, десятки тысяч рублей, – всё это погибло, прахом пошло...

Побуждает меня взяться за перо желание выяснить вопрос: следует ли продолжать опыты вроде моего? Отсюда основная задача моего труда – добросовестное, без всяких предвзятых соображений, буквальное воспроизведение бывшего.

Познакомившись с моею работой, читатель увидит, что, преследуя благие намерения, я довольно бесцеремонно, если можно так сказать, повернул жизнь своей деревни из того русла, которое она пробила себе за последние 25 лет, в русло, которое, в силу разных соображений, показалось мне лучшим.

Такой поворот не прошёл для меня безнаказанно. Может быть, это произошло в силу моей неспособности или неумения взяться за дело, а, может быть, и в силу общих причин, роковым образом долженствовавших вызвать неудачу.

Об этом пусть судят другие.

Исторический очерк

Князь Юматов. – Сын Юматова. – Скворцов. – Николай Беляков.

Ярко сверкает, точно застрявший в расщелине, пруд. Весело сбегает к нему со стороны горы зелёный лесок, а по другую сторону пруда далеко и привольно раскинулась хлебородная степь. У самого берега тесно жмётся друг к другу ряд старых, покосившихся изб. Деревня называется – Князево.

Лет сто тому назад земля эта была высочайше пожалована князю Г. и для заселения её он вывел 80 дворов из Тульской губернии.

Об этой отдалённой эпохе сохранилось очень мало воспоминаний. Существует и до сих пор группа старых берёз, в виде аллеи, – остаток бывшего здесь некогда сада. По словам соседних крестьян, под этими берёзами князь учил своих мужиков уму-разуму, т. е. попросту сёк. Князевские мужики обходят этот факт угрюмым молчанием. Детали изгладились и упоминается князь только для выражения самой седой старины.

– Эта земля ещё при князе пахалась.

– Уродило так, как только при князе рожало.

В начале девятнадцатого столетия князь продал имение соседу Юматову, а крестьян взял на вывод.

Но крестьянам, видно, уже успели приглянуться эти привольные места. Полюбили они и гладкую поверхность своего пруда, в котором столько рыбы, что только не ленись ловить, и лесок, где так много грибов, ягод, а ещё больше дров, лыка, оглоблей, а то и бревёшек; полюбили и то привольное поле, что так щедро оплачивает их работу, благодаря своему двухаршинному чернозёму. Узнав, что князь хочет их вывести, вся деревня в один прекрасный день точно сквозь землю провалилась: остались только избы да дворы; всё же живое, как владельцы, так и скотина, исчезло. Дело кончилось тем, что, побившись месяца два и не найдя никого, князь отстал от крестьян и передал их Юматову.

Князевцы любят вспоминать об этом времени, но, по обыкновению, скупы на слова.

– В поляном лесу жили, – в норах, как лисы. Сейчас есть след. Руками хлеб мололи... Ничего, Господь помог, вытерпели...

Соседние деревни вполголоса рассказывают охотникам послушать причину, побудившую князя продать имение.

– Подшибся князь через своих мужиков, – озорники они. И сейчас добра от них никому нет, и раньше не было. За озорство их и из Тулы перевели. Весь их род уж такой. Недаром Юматов отбивался от них, точно чуял, сердечный, свою судьбу.

Воспоминаний об Юматове сохранилось больше. Он оставил память о себе, как о хорошем хозяине, но был лют и охоч до баб. Это, главным образом, и погубило его. Исторический факт таков: Юматова убили ночью, нанеся ему до ста ран. Двухлетние розыски не приводили ни к чему. Наконец, один из главных виновников, пьяный, на празднике в соседней деревне, рассказал как было дело. Виновного схватили, посадили в острог, два года он запирался, а потом, когда уже хотели, было, на всё махнуть рукой, повинился во всём и выдал сообщников. Дело кончилось тем, что 40 дворов было сослано в Сибирь. Сами князевцы охотно вспоминают о смерти Юматова и так приблизительно передают дело:

– В Казань за подходящими людьми посылали. Две недели кормили и поили их. Всё никак нельзя было: то он в гости, то к нему гости. Дворню всю на свою сторону переманили. Мальчик при нём дворовый спал, – тоже на нашу сторону поддался. Часовых по дорогам расставили... Здоровый был: девять человек насели на него; он их волоком проволоком по всем комнатам, – всё выходу искал. Выскочи они во двор, так и не дался бы, да на самом крыльце один в лоб ему угодил оглоблей, тут он и повалился.

О самой ссылке предание совершенно умалчивает. Князевец угрюмо отделяется короткою фразой:

– Греха много было... Вытерпели... – помолчав, угрюмо добавляет он.

Во время малолетства сына Юматова князевцам жилось не дурно. Вырос сын Юматова, послужил в военной службе и незадолго до воли приехал в деревню на жительство. Сначала мужиков в руки крепко прибрал. Попробовали они, было, его поучить маленько и на первый раз подрубили амбары; но дело кончилось не совсем благополучно. Юматов вызвал обжорную команду, т. е. роту солдат, которую крестьяне должны были кормить на свой счёт. В два месяца рота объела всю деревню. Мужики взвыли, но не выдали виновных. И вдруг барин всё узнал. Трех сослал в Сибирь, а остальных перепорол.

Давно нет и Юматова, нет и большинства участников современных ему событий, новое поколение уже стариками становится, а до сих пор не могут простить князевцы бывшему тогда старосте из своих мужиков, на которого пало подозрение в измене. Жалко и страшно смотреть на этого неряшливого высокого старика, когда он пробирается по селу. Года гонений и преследования положили на него печать Каина; он идёт спешною, неуверенною походкой, беспрестанно оглядываясь в ожидании, что вот-вот первый выскочивший из ворот мальчишка пустит ему под ноги камень. В его глазах озлобление и страх. Что пережил этот человек во всю свою долгую жизнь, – человек, который клянётся, что он не виноват! Никто ему не верит. Недаром два часа пробыл с ним барин, запершись в кабинете, перед тем днём, как засадил в острог виноватых. Он был богат, но всё исчезло: лошадей покрали, сено каждый год жгли в стогах, хлеб почти весь в снопах разворовывали. Он давно разорился и совершенно обнищал.

– Так ему, собаке, и надо.

Об этом периоде князевцы вспоминают угрюмо и с большою неохотой.

– Известно, команда курицу поймают – тащит, – барана – тоже тащит, – запрету ни в чём не было, как саранча, всё объели, – и, помолчав, прибавляют: – Вытерпели. Где команда? А мы всё тут.

Относительная тишина царила не долго после этого.

Пришла воля, а с ней и новые хлопоты князевцам.

Как ни крутили их, как ни старался посредник, как ни старался Юматов, а мужики на своём настояли, – все вышли на сиротский надел, – на даровую $\frac{1}{4}$ часть душевого надела.

Крестьянин Афанасий Сурков так рассказал мне эту историю:

– Видишь ли ты, батюшка мой (Афанасий – мужик не из бойких, говорит медленно, с трудом складывает мысль в слова)... Солдат, значит, Симеон, – вот, брат нашему Чичкову пришёл и говорит: грамота золотая от царя пришла; кто, значит, на полный надел пойдёт, того опять в крепость поворотят. Кому же неволя опять идти? Ну, значит, и присягнули промеж себя: друг дружку не выдавать. Крестились, образ, значит, в Семёновой избе целовали. Приехал исправник, мировой, барин пришёл. Собрали нас на сход: Тоё да сеё, исправник как закричит: «Да что с ними разговаривать? Одно слово, трава и больше ничего. Розг!» Принесли розг, скамейку вынесли, поставили. Исправник прямо ко мне: «Руку даёшь?» Похолонуло у меня на сердце: «Не дам, говорю. Что хошь делай: хоть бей, – хоть убей – не дам». – «Ложись», – говорит. Перекрестился я, говорю: «Ты видишь, Пресвятая Богородица!» – лёг я, и стали они меня...

Он замолчал и напряжённо наклонился вперёд, точно сияясь получше рассмотреть то, что было 25 лет назад. Его лицо выражало недоумение и тщетное напряжение что-то понять. Он говорил медленно и нехотя.

– И стали они меня, и стали-и... Били, били...

Он с каким-то мучительным наслаждением повторял это слово, точно снова переживал давно прошедшее.

– Закусил это я руку, чтобы не закричать... Всё молчу. «Будешь ты, собачий сын, говорить?» А я всё, знай, молчу. «Бросить, – говорит, – этого дурака, – другого!» Встал я, перекрестился на небо, да и говорю: «Царица Небесная, Ты видела: за что они меня били?»

Голос Афанасия на этом месте оборвался, и он угрюмо замолчал.

– Чем же кончилось? – спросил я.

– Да чем кончилось? – повеселевшим голосом заговорил он снова. – После меня за нашего Чичкова взялись; он туда-сюда: «Вот чего, – говорит, – старики: не всем же пропадать, не лучше ли покориться?» Ну, и покорились.

– Тебя одного, значит, пороли?

– Одного, батюшка, одного, – раздумчиво отвечал Афанасий.

– Да за что?

– А Господь их знает. Вот убей – и сейчас не знаю за что.

От Афанасия так ничего больше и нельзя было добиться. Он твердил своё:

– И не знаю, и не знаю, и не знаю, батюшка... И Господь их знает, чего им надо было, и за что они меня пороли – и сейчас не знаю.

Уже от других мужиков можно было узнать, что речь шла о выборных, которых они сдуру, по наущению солдата Симеона, не хотели выбирать, боясь подвоха.

Ликование, что так ловко отвернулись от полного надела, скоро сменилось у князевцев унынием.

Спохватились, да поздно, что солдат Симеон зря болтал. Цена на землю стала быстро расти: с 3 рублей за хозяйственную десятину (3.200 квадр. сажень) сразу выскочила на 5 руб. за посев одного хлеба. Прошло ещё немного – стала земля 7 – 8 руб. Земля подорожала, а родить на ней стало на половину хуже. Посеянный хлеб, как всё посчитать, без малого стал в купку обходиться, т. е. за затраченные деньги и труд можно было и на базаре за ту же цену хлеб купить. Соседние деревни, которые на полный надел пошли, хоть плохо, а жили. Князевцам же совсем стало немотогу. Шибко обеднел народ. Стали о новой земельке толковать. Ткнулись туда-сюда – всё тоже, да и насиженные места не так-то легко бросать.

Худо стал жить народ; особенно памятен голодный 65 год. Половина населения всю зиму Христовым именем кормилась. И что это за жизнь была! Ладно, кто ещё догадался дубовыми желудями запастись, – тот желудёвым квасом питался. Дети в тот год почти все перемерли; много и взрослых от тифа свернулось.

– Никто и живым не чаял остаться, – говорили князевцы, – да пожалел Господь, помощь послал.

Помощь состояла в том, что Юматов, подбитый голодным годом, заложил имение. Денег дали много, больше чем надо было, и он решил устроить у себя винокуренный завод. Ожили князевцы, закипела работа. Дела пошли хорошо. И Юматову сначала было не дурно, но потом, вследствие покровительства крупным винокуреным заводам, дела пошли хуже. Старыми машинами работать стало невыгодно, для новых не хватало денег; подвернулись семейные невзгоды, Юматов запил. Приказчики, видя, что дело пошло к концу, стали усиленно воровать.

Пользовались и князевцы: с приказчиками они спелись и дела вели дружно. Привезёт сажень дров, а ярлык берёт на три, – третья часть приказчикам. Мужики были и пьяны, и сыты.

– Вот она штука-то, – толковал мужик Чичков. – Барину худо – мужику хорошо. Пока в силе был –дохнуть было нельзя, подшибся – легко стало.

Не долго, однако, протянул Юматов. Нежданно-негаданно наехали чиновники и описали завод. Юматов поехал в город. Недели через две пришла весть, что Юматов умер. Имение попало к кредиторам и был назначен конкурс. Главный кредитор тайно от других захватил всю движимость. Работа была спешная и в ночь перед описью всё надо было припрятать.

Николай Беляков, бывший кучер Юматова, с несколькими князевцами лихо обделал дело. Всю ночь выносили вещи; прятали их и по дворам гостеприимных князевцев, и в снег зарывали, и в лес отвозили.

Конкурс продолжался около года и прошёл не без пользы для князевцев: лес покупали за бесценок, – вместо десятины, рубили две; землю снимали десятину, – сеяли 1 и т. д. Конечно, делились с приказчиками, но не обидно. – «водки бутылку, поросёнка, когда прямо рублёвку сунешь».

Наступил конец и конкурсу. Имение осталось за главным кредитором, купцом Скворцовым. Новый владелец ни во что не вмешивался, жил постоянно в городе, где и занимался ростовщичеством. В деревне же он посадил приказчиком Николая Белякова. Николай Беляков обязан был поставлять ему ежегодно 5 тысяч руб., кроме леса (с 2.400 десятин, доставшихся Скворцову за 37 тысяч рублей). До остального Скворцову дела не было. Винокуренный завод, все постройки, кроме одного флигеля, были, за ненадобностью, проданы за 4.200 руб. (первоначальная их стоимость около 40 тысяч руб.). Сад был вырублен постепенно Беляковым на отопление флигеля. Продажа леса шла во всю. Лес Скворцов не признавал выгодною статьёй, как не оправдывающий процентов на затраченный капитал.

Беляков ловко повёл дело. Не успели мужики оглянуться, как он зажал их в свой кулак, как в железные тиски. Приём его был простой, но верный: 5 – 6 дворов побогаче он гладил по шерсти – давал им на выбор лес, лучшую земельку, и ценой подешевле, и мерой не обижал. С остальной же деревней он действовал иначе. Приходит, например, время брать землю. Беляков назначает цену и день сдачи. Мужики делают стачку сбить цену. Беляков только посмеивается.

Порядок сдачи земли такой: кто все деньги принёс сразу, тот пользуется правом выбора лучшей земли; берущим в кредит достаётся не разобранная за наличные деньги и, конечно, худшая земля. Для противодействия стачке даётся повестка во все соседние деревни. Хорошей земельки кому не надо? И, глядишь, в день сдачи возле избы Белякова точно базар от наехавших подвод. На всякий случай заготовлено несколько подставных покупателей. Подставные, как только цена объявлена, тотчас изъявляют на неё согласие и требуют себе лучшую землю. Богатеи, те 6 дворов, о которых было упомянуто выше, только ждут этого момента. Так прямо против мира идти нельзя, если сделана стачка, а уж начали брать, так чего же поделаешь?

– Что ж, старики, – начинает в таких случаях Чичков, – чего ж тут ещё дожидаться? Ничего, видно, не поделаешь – хитёр, собака, ловко придумал. Чужие разберут, а сами где сеять станем?

Идти надо.

Богатеи энергично поддерживали Чичкова, а за ними, почёсываясь, плелись и остальные князевцы.

А вечером у «собаки» шла выпивка, и Беляков в десятый раз, захлёбываясь от восторга, рассказывал богатеям, как он ловко всё проделал. Князевцы и сами понимали, как их Беляков оплёл, да ничего не поделаешь. Пробовали ему пригрозить поджогом, он и против этого нашёл сноровку. Высмотрел в деревне центральное место и стал торговать его у хозяина, Алексея Ваганова. Ваганов хотя и плохонькой был мужичонко, а насиженным местом дорожил и заломил такую цену, что Беляков только свистнул и ушёл, сказав на прощанье:

– И подешевле отдашь.

И, действительно, отдал. Через неделю нагрянул обыск, и у Ваганова нашли барский котёл, вмазанный в печь. Ваганов и не запирался, что он выломал, но указал, что и другие не лучше его: почитай, у всякого барское добро есть – сам Беляков и спит, и ест, и пьёт из барского. Кончилось, однако, тем, что других не тронули, а Ваганова в Сибирь сослали. Осталась Устинья с четырьмя детишками, пришла зима, а с ней голод и холод, отдала вдова свою усадьбу, а за это ей избу перенесли на край села, да ещё дали 10 рублей. Так поселился Беляков в центре села.

- Жги его, собаку, коли себя не жаль! – толковали князевцы.
- Ах, собака, собака, и ничем его не доймёшь!
- В овраге где-нибудь ночью прикончить.
- Станет он тебе по оврагам ночью ездить. Ему что за неволя?
- Ах, собака, пра, собака!

Взялся было Андрей Михеев миру послужить, лошадок увести, богатеи донесли вовремя, и Михеев чуть жизнью не поплатился: весь заряд на вершок от него просвистал, а вдогонку ещё Беляков закричал:

- На первый раз, Андрей, только попужал, а впредь не взыщи.
- Хай ему пёс, – отплёвывался Андрей, повествуя в кабаке про свою неудачу.

А на другой день Беляков пришёл к Андрею с понятыми и составил протокол о том, что верея¹ из барского двора вырыта.

Два часа Андрей валялся в ногах у Белякова, пока тот смиловался.

– Ну, помни же, Андрей. Протокол я припрячу до времени, а уж какой выйдет грех, ты у меня будешь в ответе.

Приуныли князевцы. Богатые из года в год богатели, а бедняки беднели всё больше и больше.

Терпели князевцы, терпели, да, наконец, и невтоготу стало. Да и случай-то вышел исключительный. Высмотрел Беляков как-то дешёвый гурт скота, дешёвый потому, что открылся в нём падёж. Беляков с богатыми и соблазнился па дешёвку. Купили весь гурт и пригнали в князевское стадо. Результатом было то, что все коровы у князевцев передохли. Ну, и зашумели же князевцы! Целую неделю не решались Беляков и его товарищи показаться в деревню. Кончилось, однако, тем, что Беляков и богатеи помирились с миром на 10 вёдрах водки. Один Степан Лайченков не стал пить.

– Хай вам, собаки! Один я, с бабой, детей нет, послужу миру, – сказал Степан, тряхнул головой, надвинул шапку и пошёл домой.

Так и замер Беляков со стаканом водки в руках. Насторожился и мир. Со Степаном шутки плохи были. Степана все боялись. Боялись за его огненные, как у бешеного, глаза, – как сверкнёт он ими, так на что Андрей Михеев отчаянный, а и тот, как бы пьян ни был, отстанет.

Струсил Беляков и пошёл со Степаном мириться. Надавал он Степану 15 р. за павшую корову, но Степан стоял на своём.

- Ничего не возьму, а миру послужу. Опостылел ты всем, собака. . . Найду и на тебя конец.
- Да ты не страшай. За это знаешь, куда попадёшь? – огрызался Беляков.
- Слушай, Николай! Ты других пугай, а меня оставь. Нас только Бог слышит, так вот тебе я что скажу. Полгода я даю тебе срока: не уйдёшь волей – жив не будешь.

И глаза Степана так сверкнули, что Николай сделался белый, как рубаха.

– Опостылел ты, подлец. Я не буду таиться. От меня никуда не уйдёшь. Я прямо возьму топор, да среди улицы тебя и хвачу. Вот этак!..

И Степан, в одно мгновение схватив топор, лежавший под лавкой, замахнулся над Николаем.

- Господи Иисусе, помилуй, – прошептал Николай, прижавшись к притолоке.

Панический ужас точно сковал его. Широко раскрытыми глазами впился он в страшное, искажённое бешенством лицо Степана.

– Куда уйдёшь, собака? – неистовым голосом закричал Степан и, не помня себя, со всего размаха опустил топор.

¹ воротный столб.

Прибежали соседи, но уже было поздно: Беляков с рассечённой головой, с распластанными руками валялся на полу, а Степан, очевидно бессознательно, бережно обтирал окровавленный топор.

– Стёпа, Господь с тобою, что ты это сделал? Погубил ты себя.

Степан точно проснулся. Он оглянулся, посмотрел на лежащего Белякова, на топор, брошенный его и, проговорив упавшим голосом: «Братцы, голубчики, пропала моя душенька, лукавый попутал», – зарыдал, как ребёнок.

Вся деревня сбежалась и вся деревня рыдала.

– Стёпа, голубчик, что ты наделал? – повторяли мужики на все лады и по очереди обнимали Степана.

А Степан рыдал и рыдал, твердя одно и то же:

– Погубил я свою душеньку.

И Степана угнали в Сибирь. Нового приказчика прислал Скворцов, но уже доходов тех не было.

При первой оказии новому приказчику объявили на сходе:

– А ты не больно. Много вашего брата здесь перебивало. Всяких видали – и не таких, как ты, а где они? Все вверх по Степаилровке ушли², а мы всё тут.

Приказчик обробел и повёл дело спустя рукава. Скворцов решил продать имение. Покупщиком явился я.

² Степаилровка – ручей, в верховьях которого было расположено кладбище князевцев.

Цель покупки имения

Заботы о личном благосостоянии. – Организация моего хозяйства. – Немецкая колония. – Технические улучшения в имении.

Мне было 30 лет, я был женат и имел двух маленьких детей. Предыдущая моя деятельность ничего общего не имела с деревней. С хозяйством, так как вся родня моя всегда занималась земледелием, я был знаком. С народом хотя я и сталкивался, но быт его знал более по литературе. По специальности я был инженер путей сообщения, но бросил службу за полную неспособностью сидеть между двумя стульями: с одной стороны, интересы государственные, с другой – личные хозяйские. Казённых железных дорог тогда ещё не было. Имение я купил за 75 т. р., – значит, оно в течение пяти лет удвоилось в цене. Жена и я – оба мы страстно стремились в деревню. Перспектива свободной, независимой деятельности улыбалась нам самым заманчивым образом.

Цели, которые мы решили преследовать в деревне, сводились к следующим двум: к заботам о личном благосостоянии и к заботам о благосостоянии окружающих нас крестьян. Каким путём думал я стремиться к достижению этих целей?

Вообще, а в деревне в особенности, в делах людских резко бросается в глаза неразумное приложение сил в борьбе за существование. У людей под руками неисчерпаемые богатства в лице природы, а почти вся их деятельность направлена не на эксплуатацию этой природы, а на вымогательство у более слабого. В городах это не так режет глаза, но в деревне, у самого источника, так сказать, глупо и дико видеть, как все силы человека направлены на то, чтобы как-нибудь отнять последнюю каплю у ближнего, когда соединёнными усилиями можно овладеть целым источником. Мне и хотелось помочь людям стать на надлежащий путь, хотелось помочь им перенести центр тяжести борьбы за существование на природу. Задача не казалась особенно трудной: стоит научить крестьянина более успешным приёмам борьбы с природой, и он сам поймёт, как дико и нелепо бороться с ближними, тем более, что в той местности, где я приобрёл имение, были уже примеры такого отношения к делу.

В образец я взял немецкое хозяйство. Верстах в сорока, в начале 50-х годов, поселилась колония немцев-менонитов, состоящая в настоящее время из 100 семейств. О баснословных урожаях сам-тридцать я услышал сейчас же по приезде. Мой первый визит был в колонки. Я осмотрел подробно хозяйство колонистов. Во всём система, порядок, аккуратность. Даровой надел каждой семьи 60 десятин, оборотный капитал, вывезенный из Германии, около 10 тысяч рублей на семью, т. е. на десятину приходится около 170 руб. Средний валовой доход с участка около 3.000. Откладывается ежегодно от 500 до 1.000 рублей. Переживали они и плохие времена. Четырёхпольная система дала в России неудовлетворительные результаты. Но в начале 60-х годов колонист Пепер, энергичный и дельный человек, перешёл к обыкновенной русской трёхпольной системе, применив к ней глубокую запашку, удобрение, обновление семян и пр. Дела колонистов приняли вскоре блестящий оборот.

* * *

Я отдался делу с такою любовью, какой не предполагал в себе. Моя страсть побольше поспать пропала бесследно. С первым лучом солнца я был на ногах, торопился пить чай и спешил на двор. Там десятки хорошо выкормленных лошадей впрягались в немецкие плуги и стройно выезжали в поле, начинавшееся прямо от дома. Туда же двигались воза с навозом. Аммиачный запах его сильно разносился по свежему воздуху. Весь секрет состоял в том, чтобы

скорее запахать разбросанный навоз, чтобы аммиак и прочие летучие части навоза не успели выветриться.

С каким наслаждением научился я устанавливать плуги! По целым часам ходил я за установленным мною плугом, вдыхая запах свежей земли. Земля выворачивается, подымается, достигает известной высоты, лемеха и винтообразно рассыпается вниз.

Рядом с полевым хозяйством я вёл целый ряд журналов, долженствовавших выяснить количество и стоимость работ.

Мои друзья немцы-колонисты приезжали изредка ко мне, одобряли, исправляли и предупреждали, чтобы я не увлекался, и не ждал сразу блестящих результатов. Они говорили, что нужно время, 5 – 6 лет, чтобы достигнуть их урожаев. Я достиг их результатов в 3 года, – в третий год мой урожай, по количеству и качеству, ничем не отличался от их урожая. Но если в отношении количества и качества я достиг того же, то в отношении стоимости я значительно уступал немцам. Всё у меня обходилось дороже и всего выходило больше. Объяснялось это отчасти тем, что я нарочно поднял заработную плату, находя её слишком низкой, отчасти инженерною привычкой делать всё скоро, и только по личному опыту убедился, что скорость и стоимость обратно пропорциональны между собою. Наконец, несомненное влияние на удорожание имело то обстоятельство, что я не имел соответственного штата людей в своём распоряжении. Подобрать в деревне такой штат очень и очень трудно. Или будет честный, но ограниченный, или ловкий, но только для себя. Все эти приказчики, старосты, дрессированные в прежней школе, ничего не стоят, в новое дело они не верят; по личному опыту у них сложилось твёрдое убеждение, что все эти новаторства – прямой путь к разорению, а при таком отношении никакой энергии, никакой любви, понятно, быть не может. Постепенно присматриваясь к окружающим и заметив несколько смыслёных рабочих, в течение трёх лет я успел организовать из них потребный штат низших служащих, удовлетворявших моим требованиям.

Надежду иметь настоящих помощников я откладывал до того времени, когда вырастет молодое поколение деревни, поступившее в школу, которой заведовала моя жена.

Свои инженерные познания я применял во многих случаях при хозяйстве. Привычка к большому делу, привычка обобщать, делать правильные выводы, привычка быстро применяться к местным условиям, привычка обращения с рабочими, – всё это сильно помогало мне. Технические познания дали мне возможность воспользоваться благоприятными местными условиями. Моё имение, расположенное на водоразделе, имело две речки, бравшие начало и впадавшие в другую реку на моей же земле. По нивелировке оказалось, что эти речки можно соединить в одну.

Вследствие этого моя мельница, вместо двух, заработала на 5 поставах. Доходность её утроилась. Приобретя такую громадную силу, я решил приспособить её к разным целям хозяйства. Я устроил водяную молотилку, вследствие чего молотба стала обходиться много дешевле. При молотилке я устроил амбары, куда при помощи элеваторов механически пересыпался уже очищенный хлеб. С последним поданным в барабан снопом последняя горсть зерна попала в амбар, и воровство зерна – это зло нашего хозяйства – у меня не имело места.

На случай ненастья, от чего часто хлеб осенью в наших местах сгнивает в снопах, я устроил крытые сараи и сушилки. Стремясь завести интенсивное хозяйство, я организовал пеклёванное дело, устроил маслобойку, чтобы добывать масло из подсолнечных семян, для чего ввёл крайне выгодную новую культуру в наших местах – посев подсолнухов. Я развёл фруктовый сад, насадив до 2 тысяч фруктовых деревьев. Всё это, вследствие моей страсти к быстроте, стоило мне довольно дорого и не могло приносить тех выгод, какие я мог бы получить, делая всё это не торопясь. Ко второму году хозяйства мой оборотный капитал, около 40 тыс. рублей, растаял весь. Отсутствие запасного фонда меня мало смущало, так как средний чистый доход определялся мною в 10 тысяч рублей. Сверх того, я имел инвентарь тысяч в 15, запасы семян, хлеба и проч.

Заботы о крестьянах

Лечение. – Школа для детей и взрослых. – Увеселения. – Заботы о материальном благосостоянии крестьян. – Состояние крестьянского хозяйства в Князеве. – Меры, направленные к улучшению его. – Община. – Способ, принятый мною для достижения цели.

В деревне и жене, и мне дела было по горло. На долю жены доставалось его больше, чем мне. Главные её заботы относительно крестьян сосредоточивались на лечении и обучении детей грамоте. Лечила жена разными общеупотребительными средствами. Обучила её моя сестра – женщина-врач, прогостив у нас несколько месяцев. Недостатка в больных никогда не было. Бесплатное лечение, ласковость, счастье в лечении привлекали к жене массу пациентов, и она подчас порядком утомлялась практикой.

Заботы о просвещении сводились к тому, что жена устроила школу, где и занималась сама со всеми ребятишками и девчонками деревни. Школа её имела через два года 50 учеников. У неё было два помощника из молодых парней, окончивших сельскую школу в ближайшем большом селе. Крестьяне с доверием относились к школе. Часть из них видела в школе возможность избавить их детей от тяжёлого крестьянского труда, заменив его более лёгким трудом писаря, приказчика, целовальника.

При этом, конечно, указывались примеры.

Другая часть крестьян мечтала о том, что их дети, научившись, будут читать им святыи книжки. Наконец, третья часть крестьян, большинство, ничего не формулируя, соглашалась глухо, что школа – «дело доброе». Были и противники школы, но такие, – даже и между крестьянами, – считались рутинёрами. Дети любили школу, для них она имела всегда новый, всегда свежий интерес. Я любил посещать уроки жены. С виду, на них царил полный беспорядок, но, при ближайшем наблюдении, ясно было, что это только внешний вид такой, – порядок был полный в том смысле, что интерес всех к уроку достигал высшей степени; но так как форме при этом не придавалось никакого значения, то и выходило что-то непривычное, – внешней дисциплины никакой; это скорее был детский клуб, а не школа.

Я тоже был преподавателем. Я читал им обработку и уход за землёй, за растениями. Был ещё мастер, который учил детей делать горшки. Выделка этих горшков давала некоторый доход им, так как горшки продавались на ближайшем базаре. Полученные деньги составляли их гордость и радость их родителей.

И говорить нечего, что покупка горшков для нужд домашних на деревне прекратилась совершенно, так как ученики вволю снабжали ими своих родных. Радость мужиков и баб выражалась примерно таким образом:

– Бывало, разобьётся горшок – бить бабу. А теперь бей сколько влезет – свои горшки. Шабаш!

И князевец весело потряхивал головой.

Со взрослыми, которых в школу не загонишь, я, при каждом удобном случае, вступал в беседы на всевозможные темы: сегодня история, завтра политическая экономия, там политика, сельское хозяйство, смотря по тому, с чего начинался разговор.

Я, шутя, говорил, что в десять лет они все у меня будут с высшим образованием. Нельзя сказать, чтобы они без интереса относились к моим рассказам и не любили их, но времени свободного у них было мало и нередко на самом патетическом месте меня обрывали без церемонии:

– Так как же насчёт пашни-то?

Зато в праздничный день, или зимой, они слушали долго и с охотой, до тех пор, пока дрёма не одолевала.

Бывало, зимой, вечером расскажу их в кабинете по диванам, креслам, стульям, прикажу подать им чаю и на первую попавшуюся тему, по возможности простым языком, начинаю. Самый большой любитель моих рассказов – Сидор Фомич, мой ключник, старичок лет 70, честный, прекрасной души и правил человек. Бывало, как я только начинаю, усядется поглубже в кресло, прокашляется, оправит свой полушубок и с детски-радостным лицом уставится на меня. Но не пройдет и 10 минут, как мой Сидор Фомич начинает сначала потихоньку, а потом сильнее и сильнее клевать носом. Пройдет час и все мои слушатели после отчаянных усилий склоняют свои, трудным боем с жизнью удрученные головушки. Я кончаю свою лекцию и распускаю слушателей с тем, чтобы на завтра начать новую лекцию.

Святки были посвящены заботам о веселье. Мы с женой старались, чтобы этот кусочек в году проводился князевцами весело и беззаботно. Задолго до Рождества в школе начинались оживленные толки о предстоящей ёлке. Эту ёлкой бредили все без исключения дети деревни. Быть на ёлке – это было такое их право, против которого не смели протестовать самые грубые, поглощенные прозой жизни родители.

Как бы ни был беден, а в чём-нибудь да принесёт заплаканного пузана в новой ситцевой рубашонке, торчащей во все стороны. Станет на пол такой пузан, воткнёт палец в нос и смотрит на громадную, всю залитую огнями ёлку. А тут же мать его глядит – не оторвется на своего пузана, ласково приговаривая:

– Поди вот с ним, ревма-ревёт – на ёлку. Чего станешь делать? – притащила.

Но вот начинается с таким нетерпением ожидаемая раздача подарков и лакомств. Ученикам – бумага, карандаши, дешёвые книжки и шапка орехов с пряниками, другим – ситца на рубаху, кушак и тоже пряников с орехами. С ёлки каждому по выбору срывается что-нибудь по желанию. И, Боже мой, сколько волнения, сколько страху не промахнуться и выбрать что-нибудь лучше!

Но самое главное происходило на третий день, когда ёлка отдавалась ребятишкам на разграбление. Детей выстраивали в две шеренги и, по команде, между ними падала ёлка. Каждый спешил сорвать, что мог. Нередко радость кончалась горькими слезами 3-х-летнего неудачника, не успевшего ничего взять. Но горе такого скоро проходило, так как из кладовых ему с избытком навёрстывали упущенное.

На первый день праздника, после церкви, мы с женой отправлялись на деревню и развозили скромные подарки: кому – чай и сахар, кому – ярлык на муку, кому – на дрова, кому – крупы, кому – говядины. Вечером ёлку посещали ряженные парни, молодые бабы, девушки – все, нарядившись как могли, являлись погрызть орехов, поплясать и попеть. Костюмы не замысловатые: девушки в одежде братьев, братья в сестриных сарафанах, неизбежный медведь, мочальная борода, комедия волжских разбойников. На другой день обед бабам, и обед на новый год мужикам. Бабам с сладостями, мужикам с водкой. Ещё 2 – 3 вечера с ряжеными, и святки кончались.

Заботы о материальном благосостоянии делились на две части:

- 1) частные, имевшие характер филантропии, и
- 2) общие, имевшие целью улучшить общее благосостояние крестьян.

К частным относились поддержка и помощь увечным, старым, не имевшим ни роду, ни племени, вдовам, солдатским жёнам, пока их мужья отбывали повинность. Сюда же относилась льготная поддержка – ссуда деньгами каждой семье, в случае неожиданных расходов: свадьбы, падежа скота, пожара и проч.

Общие меры, содействовавшие благосостоянию крестьян, заключались в следующем:

- 1) В виду необходимости ежегодной чистки леса, получался малоценный для меня материал – хворост, но для крестьян весьма ценный, как топливо. По соглашению с крестьянами, в указанные дни, весной и осенью, их допускали в лес, и они, чистя мне лес, приобретали себе отопление на зиму. Единственным обязательным условием было являться всей деревне враз,

для облегчения надзора за правильной чисткой. Крестьяне относились замечательно добросовестно к тому, чтобы правильно и согласно указаниям чистить лес. Благодаря этой, ничего мне не стоившей, помощи, я имел в три года несколько сот десятин прекрасно вычищенного леса.

2) Мои крестьяне, как уже известно, были малоземельные. Необходимость платить за каждую десятину вынуждала их ограничивать себя, в чём только они могли. Необходимость ограничения отразилась, между прочим, на уменьшении выпуска, что, в свою очередь, повлияло на уменьшение количества лошадей и скота.

Вопрос об удобрении без скота сводился, таким образом, к нулю.

Чтобы дать крестьянам возможность не продавать своих телят, жеребят и проч. живности, я отвёл им 200 десятин выпуска, выговорив себе право уборки обществом 15 десятин хлеба. Если перевести это на деньги, то десятин обходилась обществу по 50 коп., тогда как под хлеб ли, под сенокос ли я свободно мог получить на круг 5 руб. за десятину. Но и против этой работы богатеи деревни восстали. Они просили натуральную повинность перевести в денежную, ссылаясь на то, что, как богатые, они держат много скота и на их часть ляжет значительная доля жнитва, а семьи у них небольшие. Бедные, напротив, стояли за натуральную повинность, так как на их долю приходилась ничтожная работа, для них не обременительная.

Я отказал богатым в просьбе на том основании, что плата за выпуск так низка, что для них, богатых, не составит особого труда нанять и поставить вместо себя жнецов.

3) Сдача земли, как она производилась раньше, описана в первой главе. Результатом такой сдачи было то, что богатые сидели на лучшей земле и из года в год богатели, а бедные, сидя на худшей, всё больше и больше беднели. Ненормальность и несправедливость такого положения дел была очевидна. Выясняя себе причины, в силу которых она создалась, я остановился исключительно на следующем. С освобождения мои крестьяне вышли на сиротский надел. Первым последствием этого было ослабление общины. Когда же князевцы переписались в мещане, чтобы не платить подушных, община окончательно подорвалась, а с ней погиб единственный оплот против всякого рода кулаков. Подтверждением справедливости моего мнения служили соседние деревни, вышедшие на полный надел, где хотя и существовало кулачество, но несравнимо в более слабой степени, чем у князевцев. Благосостояние этих крестьян было тоже неизмеримо выше князевского.

В силу всего сказанного, вопрос для меня становился ясным: рядом с удобрением, правильной пашней и проч. нововведениями необходимо было возвратить князевцев к их прежнему общинному быту. Я сознавал весь труд выполнения взятой на себя задачи, сознавал, что 25 лет в жизни народа что-нибудь да значат, понимал то противодействие, которое встречу как со стороны кулаков деревни, так и со стороны обленившихся и опустившихся бедняков, но иного выхода для того, чтобы поднять благосостояние крестьян, я не видел. Я считал, что отдельные, единичные усилия – так или иначе поставить вопрос улучшения – не приведут ни к чему, – нужно всю деревню заставить действовать, как один человек.

Для этого, конечно, прежде всего, нужна была сила. Она у меня имелась. Моя власть над ними была почти безгранична, – только воздуха не мог их лишить, а остальное всё в моих руках, кладбище – и то моё, так что мужики часто шутили:

– Мы и до смерти, и после смерти ваши.

Силу употреблять для себя – это гнусно. Сила для их блага, когда доводы не действовали, – это единственная возможность достигнуть цели.

Вопрос был только в том, правильно ли я рисовал себе картину и действительно ли так необходимо было заставлять крестьян отрешиться от их способа ведения дела? Вот факты.

Наступала весна. Моя земля вспахана с осени и чуть только сошёл снег, я, по примеру немцев, приступил к посеву.

У мужиков земля была не только не вспахана, но и не разделена. Это произошло оттого, что князевцы не имели обыкновения брать землю с осени, мотивируя тем, что до весны-де

далеко, кто там жив ещё будет! Между тем, осенняя пашня и ранний посев в наших местах крайне необходимы. Весь урожай у нас исключительно зависит от влаги: сухой год – нет хлеба, сырой – изобилие. Так как сухих годов несравненно больше, чем сырых, то понятно как важна забота о сохранении влаги в земле. На земле, вспаханной с осени, влага гораздо лучше держится, чем на не паханной: снег весной гораздо скорее сходит (чёрная поверхность паханного слоя поглощает больше тепла, чем покрытая жнивьем).³

Скоро сошедший снег даёт возможность на неделю раньше начать сев. К периоду засухи ранний посев отцветает и начинает наливать – засуха ему, таким образом, на пользу, поздний же посев ко времени засухи только собирается цвести и крайне нуждается в дождях именно в такой период, когда дождей обыкновенно уже не бывает. Вред позднего посева заключается ещё в том, что, пропустив период весенней влаги, приходится высевать семян значительно больше, так как часть их от засухи пропадает. В то время, как немцы сеют 8 пудов ярового на десятину, крестьяне высевают от 12–15 пудов. Результат такого густого посева двоякий: если случится после посева тёплое и дождливое время, то все зёрна взойдут, посев выйдет загущённый, – он или поляжет преждевременно, или пригорит, и в обоих случаях зерно получится тощее, плохое, легковесное. Если же после посева наступит холодное или тёплое время без дождей, то, пока зерно соберёт нужную ему влагу, пока взойдёт, его заглушит сорная трава.

Чтобы дать наглядное понятие, что составляют для крестьян эти излишне высеваемые 5 пудов на десятину, которые, в большинстве случаев, не только гибнут бесследно, но и приносят положительный вред, укажу на следующий факт. В моём имении высевается ежегодно всеми сеющими на моей земле деревнями таких излишних пудов до 3.000, что составляет, при стоимости весной пуда до 70 коп., около 2.000 рублей. Сумма эта, бросаема ежегодно не только на ветер, но и в прямой ущерб делу, превышает сумму всех земских и государственных повинностей, платимых пятью деревнями.

Напрасно думают, что мужик хорошо знает свойства своей земли и условия своего хозяйства; он полный невежда в агрономических познаниях и страшно в них нуждается. Отсутствие знания, апатия к своим интересам, отсутствие правильного понимания условий, в которые он поставлен, поразительны.

Здесь крестьянам необходима энергичная посторонняя помощь: сами они не скоро выйдут из своего застоя. Несколько лет тому назад, во время ветлянской чумы, полиция настояла, чтобы навоз вывозился в поле. Это поле, куда свозился навоз, и до сих пор отличается особыми урожаями, и все крестьяне говорят, что это от навоза.

– Почему же не продолжает назмить?

– Разве всех сообразишь? – отвечают. – Мир велик, не один человек.

Или другой пример: ежегодный передел земли. Это вопиющее зло. Земля, как известно, требует тщательной обработки. Хлебобродность правильно обрабатываемой из года в год земли с каждым годом растёт. При ежегодном же переделе хорошо обработанная в этом году земля попадает на будущий год к бессильному бедняку-мужику, который, при всём желании, ничего другого не сделает, как только изгадит её, – и сбруя плохая, и снасть плохая, и лошадёнка плохая, да и сам-то от ветру валится.

– Почему же вы не разделите землю на года?

– Как её разделить? Каждый год новые прибавляются. Мир велик, не один человек, – не сообразишь.

Говоря о причинах неудовлетворительного положения крестьян, для выяснения последующего, я должен коснуться одной, которая имела место только по отношению к таким крестьянам, какими были мои князевцы, т. е. к малоземельным.

³ Причём вода не сбегает, как она сбегает по гладкой жниве, а тут же, вследствие неровности пашни, задерживается и проходит в землю.

Я уже упоминал, что часть князевцев, когда им пришлось жутко, мечтала выселиться; эта возможность выселения твёрдо сидела в головах всех князевцев. Положим, что они никогда не расстались бы с своими местами, но уже одна мысль, что они могут уйти, деморализующе действовала на них. Сами не замечая, они втянулись в жизнь людей неоседлых. Лишь бы до весны, а с весны лишь бы до осени. К этой возможности выселиться незаметно приспособилось всё хозяйство; к чему лишний посев, лишний телёнок, лошадь, когда осенью, может быть, все уйдут на новые места?

В силу всего вышесказанного, я пришёл к заключению, что для подъёма материального благосостояния князевцев необходимо, чтобы они согласились на следующие четыре мероприятия:

1) Князевцы должны взять по контракту на 12 лет, за круговую порукой, столько земли, сколько им нужно.

2) Земля должна быть разделена между отдельными лицами раз на все 12 лет совершенно равномерно по качеству, как между богатыми, так и между бедными.

3) Ближняя земля должна удобряться, для чего весь навоз деревни должна вывозить зимой на ближайшие паровые поля.

4) Земля под яровое должна пахаться с осени.

Придя к этим выводам, я через год после моего приезда решил действовать. Предварительные переговоры ни к чему не привели.

Чичков, один из самых богатых мужиков, все силы напрягал, чтобы доказать мне и мужикам неосновательность моих положений. Я прибегнул к силе. Собрав сход, я сказал крестьянам приблизительно следующую речь:

– Вот что, старики. Вижу я, что от хозяйства вы вовсе отбились. Так жить нельзя. Пахать не вовремя, сеять не вовремя, да и сеять-то по какой-нибудь десятинке в поле – и себя не прокормишь, и землю только измучишь. Либо вы принимайтесь за дело, как следует, как отцы ваши принимались, либо отставайте вовсе от земли. Тогда я один буду сеять, а вы у меня в работниках будете.

Толпа зашумела.

– Нам нельзя без земли.

– Ты сегодня здесь, завтра нет тебя, а мы чего станем делать? Нам нельзя отставать от земли.

– Хорошо, господа, вижу, что у вас ещё не совсем пропала охота к земле, и очень рад этому. В таком случае, принимайтесь за дело, как следует.

И я объяснил мои условия. Мужики угрюмо молчали.

– Даю вам три дня сроку, – сказал я. – А теперь ступайте с Богом.

Все три дня, с наступлением вечера, деревенская улица наполнялась народом. Из окон моего кабинета слышен был отдалённый крик и гул здоровых голосов, говоривших все враз.

Накануне назначенного срока, когда собравшаяся, было, на улице толпа уже разбрелась, я сидел у окна кабинета и пытливо всматривался в темнеющую даль деревни. Там и сям зажигались огоньки в избах. «На чём-то порешили?» – думалось мне, и сердце невольно сжималось тоской. Я чувствовал, что из своих условий, взвешенных и обдуманных, я ничего не уступлю, даже если бы пришлось прибегнуть к выселению всей деревни. Я утешал себя, что раз они не пойдут на мои условия, то рано или поздно необходимость всё равно вынудит их искать других мест. Но, рядом с этим утешением, подымался невольный вопрос: имею ли я право ставить их в такое безвыходное положение, как выселение, разрыв со всем прошлым? Я должен признаться, что чувствовал себя очень и очень нехорошо, тем более, что и жена была против крутых мер.

Пришли приказчики: Иван Васильевич и Сидор Фомич.

– Садитесь, господа, – проговорил я, с неохотой отрываясь от своих дум.⁴

– Чичков пришёл, – доложила горничная.

– Зовите.

Вошёл Чичков, огляделся и испуганно остановился.

– Чего тебе?

– Старики, сударь, прислали, – проговорил он, слегка пятась к двери, по мере моего приближения. Он, очевидно, боялся, чтобы я, как бывало покойный Юматов, как-нибудь не съездил ему в зубы.

– Да ты чего пятишься? – насмешливо спросил я.

Чичков покраснел, тряхнул волосами и, задетый, ответил:

– Я ничего-с.

– А ничего, так и стой, как все люди стоят. Зачем тебя прислали?

– Прислали сказать, что не согласны.

– Почему же не согласны? – угрюмо спросил я.

– Не согласны, и баста!

– Значит, за меня уступают землю?

– Нет, как можно! – испугался Чичков. – Без земли что за мужик! Только на ваших условиях не желают.

– Почему же не желают?

– Да Господь их знает. Стоят на своём: не желаем, и баста! Ведь, сударь, вы нашего народа не знаете, – одна отчаянность и больше ничего. За всю вашу добродетель они вас же продадут. Помилуйте-с! я с ними родился и всех их знаю. Самый пустой народ. Ничего вы им не можете, – всё в кабак снесут и вас же попрекнут.

Я задумался, а Чичков вкрадчивым голосом продолжал:

– Право, сударь, оставьте всё по-старому, как было при Николае Васильевиче. Забот никаких, денежки одним днём снесут. А этак, узнают вашу добродетель, перестанут платить.

– А ты откуда узнал мою добродетель?

– Да, ведь, видно, сударь, что вы барин милостивый, простой, добродетельный. А с чего бы вам затевать иначе всё это дело? Только ведь, сударь, не придётся. Помяни меня, коли не верно говорю.

– Верно, верно! – умилился Сидор Фомич.

– А ты с чего? – накинулся я на Сидора Фомича. – Тот-то знает, куда гнёт, а ты с чего?.. Вот что, Чичков, – обратился я к Чичкову, – кланяйся старикам и скажи, что я завтра покажу им свою добродетель.

Чичков сперва съёжился, но при последней фразе глаза его злорадно загорелись.

– Не понял что-то, сударь... как передать прикажете?

Но моё терпение лопнуло.

– Ступай! – крикнул я, взбешённый.

По его уходе, я отдал следующее распоряжение:

– Завтра, Иван Васильевич, работ не будет. Вы со всеми рабочими верхами оцепите деревню и ни одну скотину из князевского стада не пропускайте на выпуск до моего распоряжения.

Сидор Фомич тихо вздохнул.

– Не знаю, как и посоветовать вам, – заметил Иван Васильевич.

– Никак не советуйте, – это моё дело. Иначе нельзя.

– Как прикажете.

⁴ Мы начали обсуждать, как распределить работы завтрашнего дня.

На другой день меня разбудил страшный рёв скота. Я подбежал к окну, и моим глазам представилась следующая картина. На другой стороне реки, у моста, толпилось князевское стадо. Скотина жадно смотрела на выпуск, расположенный за мостом, и неистово ревела. Иван Васильевич с 15 верховыми стоял на мосту и мужественно отражал отдельные попытки, преимущественно коров, пробиться через сеть конных.

Во дворе толпилась вся деревня. Я поспешил одеться и выйти. При моём появлении, толпа заволновалась.

– Пожалей, будь отцом, – заговорили они все вдруг.

Передние стали опускаться на колени. Картина была сильная, но я, преодолев себя, сурово проговорил:

– Встаньте.

И так как они не хотели вставать, то я сделал вид, что ухожу в комнаты.

Мужики поднялись с колен.

– Нечего валяться, – заговорил я так же сурово. – Хоть землю грызите, ничего не поможет. Или берите землю, или отказывайтесь.

– Нам нельзя без земли.

– Так берите.

– Батюшка, – заговорил Чичков, – дай нам недельку сроку.

– Минуты не дам, – вспыхнул я. – Ты мутишь народ. Ты в контракт не хочешь. Почему не хочешь?

– Не я не хочу, мир не хочет.

– Почему не хочет?

– Неспособно. Первая причина – выпуском обижаются, что работой назначили. Работа разложится по чередам, – иной одинокий, бессемейный, чередов много, а рук нет. Вторая причина навозом обижаются: у кого много скотины, да мало работников, только и будет работы, что навоз весь год возить.

– Теперь же ты вывозишь свой навоз за село, ведь лишних всего-то 100–200 сажень проехать дальше, не дальше же поле я вам даю. А не хочешь назмить, я неволить не буду, но таким в ближних полях земли не дам, а посажу на дальние.

– На ближних-то сподручнее.

– А сподручнее, так вози навоз.

– Ещё обижаются контрактом. Народ мы бедный, друг по дружке не надеемся. Год на год не состоит; чёрный год придёт, чем станем платить? – вот и опасаемся, как бы по круговой порuke за шабра не пришлось платить.

– Хорошо. Я вот тебе какую уступку сделаю: укажи мне, за кого ты согласен поручиться, за остальных я сам поручусь.

Произошло нечто, чего я сам не ожидал. Чичков стал отбирать тех, на кого он надеялся. Из 50 дворов образовалось две партии: одна ненадёжная, счётом 44 двора, а другая надёжная, счётом 6 дворов. Сам Чичков, видимо, смутился результатом своего сортирования. Дружный смех ещё больше смутил его. За смехом вскоре последовало выражение негодования со стороны ненадёжных, так бесцеремонно забракованных богачами.

– Вы всегда так мутите, – попрекал один.

– Через вас все беды наши, – говорил другой.

– Вы с Беляковым по миру нас пустили, – попрекнул третий.

– Ври больше, – огрызнулся Чичков.

Слова Чичкова попали искрою в порох. Долго сдерживаемое озлобление с силой прорвалось наружу.

Брань на Чичкова и богатых посыпалась со всех сторон:

– Сволочь!

– Миреды!

– Каштаны!

– Да чего смотреть на них? – выдвинулся из толпы Пётр Беляков. – Надо дело говорить! – Его чёрные глаза метали искры. – Вчера вечером совсем было наладились идти к твоей милости, а кто расстроил? Всё они же. «Постойте, старики, я ещё сбегаю к барину, – поторгуюсь, не уступит ли?» Приходит назад! «Идёт, говорит, уломал барина; стал сомневаться. Как станем дружно, сдастся, некуда деться-то. Землю-то не станет есть».

– Чичков вчера принёс мне отказ от вас, – заявил я.

Это было новым сюрпризом для толпы и новым поводом сорвать на Чичкове накипевшее сердце. Они так насели на него, что я уж стал бояться, как бы они бить его не стали. Кое-как толпа успокоилась, наконец.

– Ах, юла проклятая!

– Ну, и человек!

– Всем бы прост, да лисий хвост!

– Жид, пра, жид!

И всё в таком роде. Чичков, прижатый к стене дома, молчал. Особого страха в лице не было, юркие глазёнки его бегали, с любопытством останавливаясь на каждом говорившем о нём, точно разговор шёл о каком-то совершенно для него чужом.

– А вы будет, – остановил толпу безбоязненный и строгий мужик Фёдор Елесин. – Дело делать пришли, а не лаяться перед его милостью.

– Так чего же, братцы? – заговорил Пётр Беляков. – Надо прямо говорить, барин милость нам оказывает, а мы не знаем, с чего упираемся.

И, обратившись ко мне, решительно проговорил:

– Пиши мне две десятины в поле.

– И мне две.

– И мне!

– И мне!

– Сейчас стол велю вынести.

И, под этим предлогом, я ушёл в комнаты поделиться с женой неожиданною радостью. Жена сидела в спальне и, оказалось, слышала весь разговор. Окна были открыты, но жалюзи затворены. Это давало возможность видеть всё происходившее на дворе, не будучи в свою очередь видимым. Когда я вошёл, жена приложила палец к губам.

Со двора доносился тихий, ровный, спокойный голос Чичкова:

– Залезть-то залезли, а назад-то как?.. Видно, не мимо говорится: живём, живём, а ума всё нет. Оплёл он вас в чувашские лапти, – с места в неволю повернул. Дали вы ему свою волю, отбирать-то как станете? Хотел миру послужить, облаяли, как пса последнего. Бог с вами. Мне ничего не надо. Уложился, да и съехал, – свет не клином сошёлся. Вам-то как придётся.

Толпа, за минуту перед тем готовая его разорвать, хранила гробовое молчание.

После нескольких секунд молчания опять раздался голос Чичкова:

– Не губите себя, старики! Время есть ещё – опомнитесь, детей своих пожалейте!

Я поспешил во двор.

При моём появлении Чичков смолк и с невинною, простодушною миной смотрел мне в лицо. По наружному виду можно было подумать, что он не только не говорил, но и не шевелился.

– Дьявол ты, а не человек, – обратился я к нему, – слышал я в окно твои подлые речи. О себе только думаешь, тебе бы хорошо было. Да не то время, нет больше Николая Васильевича, не с кем морочить народ; прошло время, когда за пуд ржаной муки тебе по десятине жали, тогда за бутылку водки ты на лучшей земле сидел, а народ бедствовал. Не будешь торговать чумною скотиной. Я за народ – и весь перед Богом. Верой и правдой хочу помочь тем, которые

века работали на моих отцов, дедов и прадедов. Тебе не смутить их: за каждое своё слово дашь отчёт людям и Богу. Будет же тебе мутить. Вот тебе моя воля: нет тебе ни земли, ни лесу, ни выпуска – иди на все четыре стороны. Месяц тебе сроку даю, и чтоб через месяц духу твоего не было. Ступай!

Чичков слушал всё время с опущенною головой.

Когда я кончил, он высоко поднял голову, вздохнул всю грудью и проговорил спокойным, уверенным тоном:

– Спасибо, сударь, и на этом.

Он низко поклонился и, держа шапку под мышкой, неспешным шагом пошёл со двора.

Один за другим потянулись за своим коноводом богатеи.

Толпа угрюмо молчала.

– Скатертью дорога, – проговорил вслед уходившим Пётр Беляков. – Добра мало видели от них.

– Господь им судья, – заметил Фёдор Елесин. – Ушли и ладно. Проживём и без них.

– Проживём, – весело согласился Пётр Беляков.

– Сволочь народ, – сказал Андрей Михеев и плюнул.

– А ты будет, – остановил Фёдор.

Я стал записывать, кому сколько десятин.

Стадо выпустили на выпуск. Скотина быстро разбрелась по лугу, жадно хватая по дороге траву.

Народ повеселел.

– Ишь как хватает, – заметил Керов, мотнув головой по направлению выпуска. – Проголодалась.

– Напугал ты нас вовсе, сударь, – сказал, обращаясь ко мне, добродушный Прохор Ганюшев.

– Коли не напугал, – подхватил Керов.

Наступило молчание. Я продолжал записывать.

– А богатеи, мотри, и вправду уйдут, – заметил кто-то.

– А хай им пёс, – отозвался Андрей Михеев.

– А уж вертелся Чичков – и туда, и сюда, – начал опять Керов. – «Старики, я с хозяйшкой посоветоваться сбегая», а сам забежит за угол, постоит-постоит и назад: «Жена не согласна».

Керов изображал Чичкова очень удачно и комично.

Толпа наградила его смехом.

– Даве бают, – заговорил Андрей Михеев, понижая голос, – богатеи промеж себя: «а он, – это про вашу милость, значит, – как приехал, тогда ещё сказал: не будет у меня богатых».

Толпа настожила и пытливо уставилась на меня.

– Я никогда этого не говорил. Я сказал, что у меня бедных не будет. Напротив, богатого мужика я уважаю. Если он богат, значит он не пьющий, заботливый, трудолюбивый, Только не хочу я, чтобы он богател, отнимая у бедного. С земли бери – что больше, то лучше, выхаживай её. Тут ты сразу возьмёшь 40–50 пудов лишних, но не выжимай последней копейки у бедного.

– Видишь, что баит, – заметил добродушный Прохор.

– А сказывают, быдто земля наша не принимает навоз, – сказал Пётр Беляков. – Нужен, ишь, навоз песчаной земле, а наша чёрная.

– Ты вот чёрный, а я русский, у обоих брюхо, и оба мы есть хотим. Так и земля: всякой навоз нужен, только песчаной чистый нужен, а чёрной – соломки побольше, потому что в чёрной силы и без того много, да только не перегорает она, как следует, от навоза же она горит лучше. Для этого же её нужно почаще перепаживать.

– Этак и станем пахать, да пахать, а другие работы?

– Поменьше сей.

– На что уж мало сеем.

– Вот в прошлом году я двоил, – говорил староста, – а Федька Керов в одноразку пахал. У него непрорезная рожь, а у меня вовсе плоха.

– То-то оно и есть, – заметил Фёдор Елесин. – Паши ты её хоть по пяти, раз, а не даст Бог, ничего не будет. А раз вспаши, да с молитвой – откуда что возьмётся.

– Молится-то, ведь, и худой, и хороший, и ленивый, и прилежный, кого же Бог слушает больше? – спросил я.

– Всех слушает, – сурово заметил Фёдор. – Разбойника в последнюю минуту и то послушал.

Я невольно смутился.

– По твоему, что хороший, что худой – одна честь?

– Не по-моему, а по Божьему, – кто как может.

– По-нашему, бают старики, – заметил молодой рябой Дмитрий Ганюшев, – Бог даст – и в окно подаст. Захочет – и на несеянной уродит.

– Ну, так вот не паши свой загон, – заметил я. – Посмотрю, много ли у тебя уродит.

– А что ж? – вступился Фёдор. – Лет пять назад посеял я рожь. Убрал. На другой год не стал пахать – болен был, прихожу на поле, ан, глядь, у меня непролазный хлеб, – падалицу дал Господь.

– То-то вот оно и есть, на всё Божья воля: волос с головы не упадёт без Его святой воли.

– Против этого я не спорю. Только я говорю: Бог труды любит. В поте лица своего добывайте хлеб свой. Для трудов и на землю мы пришли, так и надо. трудиться... Только за труд и награда от Бога приходит, а помрём, тогда и за добрые свои дела награду получим.

– Где уж нам, – заметил Керов, – здесь всю жизнь работаем на бар и там видно...

Керов подмигнул соседям.

Мужики лукаво уставились на меня: знаю ли я, на что намекал Керов?

– Ты что ж не кончаешь? – спросил я. – И там, видно, тоже будете работать; дрова для бар таскать? Так, что ли?

– Я не знаю, – смутился Керов.

– А я тебе на это скажу: какие баре и какие мужики.

– Верно, – согласился Фёдор Елесин. – Богатый, да милостивый – оба царства царствует.

– Верно, – согласилась толпа.

– А вот Власов всё баил, – начал опять Керов: – мне бы одно царство поцарствовать, а в другом мной хоть тын подопри.

Власов – мужик соседней деревни, умерший от запоя.

– Одно уж он царствовал, – вставил Фёдор Керов. – Как другое-то придётся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.